

Константин Лаппо-Данилевский. Анакреонтические оды М. М. Хераскова	347
Ульяна Башко. Азартная игра как экономическая метафора (на примере «Жюли» А. В. Дружинина и «Игрока» Ф. М. Достоевского)	361
Ольга Макаревич. Н. С. Лесков и журнал «Русский рабочий»: к истории русского редстокизма	374
Ксения Высокович. Тургенев и Шопенгауэр	410
Лада Панова. Авангардный комплекс «мнимого сиротства»: символическая экзекуция отцовских фигур	424
Дарья Башкайкина. Экспрессивность концептуального поля «здоровье – болезнь» в лирике Эдуарда Багрицкого	441
Андрей Романов. Проблема самоидентификации в лирике Анны Горенко	450
Олег Лекманов. «На все вопросы отвечает Rambler», или Современный русский поэт перед компьютером: 14 вариантов	460
Указатель имен	471
Указатель статей, опубликованных в журнале «Летняя школа по русской литературе» в 2016 году	486

Тираж 500 экз.

2016 XII (4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2016 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Веницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Константин Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
yurij-danilevskij@yandex.ru

Ульяна Башко, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
Ulyasha0210@gmail.com

Ольга Макаревич, кандидат филологических наук, научный редактор журнала «Русская литература», Санкт-Петербург, Россия
philologolga@gmail.com

Ксения Высокович, студентка Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия
ksusha161094@yandex.ru

Лада Панова, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
gatto_pardo@mail.ru

Дарья Башкайкина, студентка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
bashkaikina.d@gmail.com

Андрей Романов, студент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
hp72007@yandex.ru

Олег Лекманов, доктор филологических наук, профессор национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
lekmanov@mail.ru

УЛЬЯНА БАШКО
(Москва)

АЗАРТНАЯ ИГРА КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

(на примере «*Жюли*» А. В. Дружинина
и «*Игрока*» Ф. М. Достоевского)

В статье азартная игра рассматривается не столько с традиционной романтической или «мифологической» точки зрения, сколько как экономическая метафора, отражающая тенденции социально-экономического развития Российской империи до и после отмены крепостного права. Материалом для рассмотрения служат роман А. В. Дружинина «*Жюли*», написанный в эпоху застойного «мрачного семилетия», и «*Игрок*» Ф. М. Достоевского, время создания которого традиционно трактуется как эпоха экономического подъема.

Ключевые слова: азартная игра, экономическая метафора, Ф. М. Достоевский, «*Игрок*», А. В. Дружинин, «*Жюли*».

The article deals with analysis of the motive of gambling not only as traditionally mythological point of view but especially as economic metaphor, which represents tendencies of socio-economic development of the Russian Empire before and after The abolition of serfdom. The material for analysis is the novel “*July*” was written by A. V. Druzhinin in 1848, time of stagnancy, and “*The Gambler*” was written by F. M. Dostoevskii in period of history which is characterized as period of economic development.

Key words: economic metaphor, gambling, Dostoevskii, Druzhinin, “*The Gambler*”, “*July*”.

В своей классической статье «„Пиковая дама“ и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века» Ю. М. Лотман рассматривает игру как «модель борьбы человека с Неизвестными Факторами»,¹ как столкновение «с силой

¹ Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003. С. 793.

мощной и иррациональной, зачастую осмысляемой как демоническая».¹ Именно так — в свете романтической идеи вызова судьбе, року — чаще всего трактуются и произведения более позднего времени, в которых также описывается азартная игра. Так, по мнению Л. И. Сараскиной,² в «Игроке» Достоевского игра в рулетку приобретает сакральный смысл, а ее целью становится не бездумное обогащение, а вызов року. Главный герой романа Алексей Иванович, страстный игрок, пишет об этом так: «...во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык».³

Напомним, что действие романа происходит в вымышленном городе Рулетенбурге, в семье почти разорившегося генерала Загорянского, в которой учителем работает главный герой — игрок Алексей Иванович. Генерал страстно желает жениться на красивой, но корыстной французенке мадмуазель Бланш; его падчерица Полина, возлюбленная учителя, якобы равнодушна к французу де Грие. Тем временем все они ожидают известия о смерти тетки генерала, наследство которой позволило бы генералу жениться на аферистке Бланш. Неожиданно для всех в Рулетенбург приезжает вполне здоровая бабушка Тарасевичева Антонида Васильевна, которая в течение нескольких дней проигрывает в рулетку все привезенные деньги. Теперь она вынуждена уехать обратно в Россию, после чего жизнь каждого героя меняется кардинально. Мадмуазель Бланш, понимая, что генерал беден, покидает его, скрывается и мсье Грие, а Алексей Иванович понимает, что Полина на самом деле в него влюблена. Он оказывается неспособным сохранить их счастье и в итоге «тонет» в мире азарта.

Не вполне доверяя «мифологическому» прочтению мотива игры, мы бы хотели вписать его в контекст литературно-общественной ситуации 1860-х годов, когда и создается это художественное произведение. Любопытный пример та-

¹ Там же. С. 798.

² Сараскина Л. И. Десять лет я все мечтал выиграть: Роман «Игрок» как феномен «опасного творчества». М., 2006.

³ Достоевский Ф. М. Игрок // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 224.

кого рода интерпретации «Игрока» предложен в относительно недавней работе Г. Карпи «Достоевский-экономист». Исследователь полагает, что создание «Игрока» и вообще деятельность Достоевского 1860-х годов обуславливается не только литературными, но и экономическими факторами. Карпи исходит из противопоставления дореформенных 40-х и пореформенных 60-х годов XIX столетия. Такое противопоставление на первый взгляд кажется довольно схематичным — на этот недостаток указывает, в частности, в своей рецензии на книгу итальянского ученого И. А. Христоворов.¹ Он показывает, что само представление об игре и азарте, нашедшее отражение в произведениях Достоевского 1860-х годов, могло сформироваться еще в 1840-е годы, когда писатель был вхож в круг петрашевцев. Поэтому имеет смысл сравнивать не столько две различные исторические эпохи, сколько две идеологии, в наибольшей степени характеризующие 1840-е и 1860-е годы и отразившиеся в специфическом художественном видении азартной игры. При таком прочтении эпоха николаевского «мрачного семилетия» может быть, на наш взгляд, выразительно охарактеризована через обращение к повести А. В. Дружинина «Жюли», в которой отразилась государственная экономическая и идеологическая доктрина, одним из создателей которой был министр финансов, камералист Е. Ф. Канкрин. Со своей стороны, Достоевский как автор «Игрока» кажется писателем, сумевшим точно запечатлеть атмосферу экономической и политической либерализации 1860-х годов и пореформенного капиталистического «ажитожа» — даже если «база» для его экономических метафор сложилась существенно ранее.

Карпи характеризует время написания «Игрока» как «катастрофическое» развитие экономики, которую раскачивают волны ажиотажа и спекуляций и кризисы...»² Это время, когда «в небогатом государстве образовалась <...> крупная

¹ Христоворов И. А. Экономика, литература и Великие реформы // Российская история. 2013. № 2. С. 206–210.

² Карпи Г. Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М., 2011. С. 37.

финансовая буржуазия <...>. Самая главная ее черта — это ориентация на получение доходов не столько от производственной деятельности, сколько от участия в финансовых спекуляциях и в крупных инфраструктурных объектах <...> нестабильность была для нее главным источником обогащения...»¹ Экономические кризисы, крестьянские восстания после отмены крепостного права, восстание в Польше, железнодорожные и банковские аферы приводят к тому, что у современников вырабатывается ощущение лихорадки: «Я дотрагиваюсь до каждого пульса нашей общественности, но вижу, что ее бьет лихорадка. Тут ничего не сделаешь».²

Неудивительно, что тема карт, азартной игры, моментального обогащения оказывается ключевой метафорой 1860–1870-х годов, а «Игрок» — прекрасным примером, выражающим веяния времени. Как писал экономист-либерал А. А. Головачев в книге «Десять лет реформ»: «В таком положении упражнение за зеленым столом получает сугубое значение, и теперь без карт — нечего делать в обществе».³ Роман пишется в эпоху «становления капитализма», когда богатство (хотя бы потенциально) становится доступно каждому: «Тут дело в том, что — один оборот колеса и все изменяется...»⁴ Английский исследователь W. J. Leatherbarrow пишет о том, что деньги в «Игроке» «перевешивают» социальное происхождение — данный тезис прекрасно подтверждает аферистка — француженка Бланш, которая борется за вхождение «в хороший круг».⁵

По мнению А. Л. Бёма, роман задумывался как «трагедия страсти».⁶ Однако страсть главного героя направлена не столько на Полину, сколько на игру: «Я тогда ощущал какое-то непреодолимое наслаждение хватать и загребать банковые билеты, нараставшие кучею предо мною», «мною вдруг действительно без всякого вызова самолюбия овладела ужас-

¹ Там же. С. 60.

² Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. [Л.], 1956. Т. 3. С. 275.

³ Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872. С. 3.

⁴ Достоевский Ф. М. Игрок. С. 311.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ Бём А. Л. «Игрок» Достоевского (в свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Кн. 24. С. 384.

ная жажда риску».¹ Уже упоминавшийся W. J. Leatherbarrow видит здесь вообще не столько власть денег, сколько как раз жажду ощущений — «compensatory thrills».²

Интерпретируя текст романа «экономически», логично было бы предположить, что в другую историческую эпоху — скажем, в эпоху дореформенную — метафора азартной игры должна принять другой вид и смысл под влиянием иных экономических процессов.

При рассмотрении экономической ситуации 1840-х годов мы опираемся главным образом на исследование К. Мондэя, который в своей диссертации³ описывает не столько экономические реалии эпохи, сколько, что особенно интересно в свете нашей темы, «экономическое мышление» людей 1840-х годов и ключевые экономические метафоры николаевского времени. Мондэй трактует эпоху 1840-х годов как время становления нового экономического мышления, черты которого можно проследить на примере Егора Францевича Канкрин, занимавшего пост министра финансов с 1823 по 1844 годы. Канкрин осуществил, в частности, важнейшую денежную реформу 1839–1843 годов, в ходе которой был произведен обмен ассигнаций, потерявших свою ценность, на кредитные билеты, что привело к укреплению российской денежной системы, ослабленной после Отечественной войны 1812 года. Девизом Канкрин были «практичность», «осторожность», «предусмотрительность в управлении». Канкрин исходил из необходимости разделения абстрактных теорий и практики, считая, что при решении экономических задач следует принимать во внимание множество факторов: своеобразие каждой экономической отрасли, потенциальные риски. Это мышление сформировалось вследствие наполеоновских войн и развития усложненных хозяйственных национальных систем, контроль над которыми было все сложнее осуществлять. Примечательно, что

¹ Достоевский Ф. М. Игрок. С. 294.

² Leatherbarrow W. J. The Cambridge Companion to Dostoevskii. Cambridge, 2004. P. 105.

³ Мондэй К. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи (на примере Е. Ф. Канкрин): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

министр «крайне скептически <...> относился к основным достижениям современной ему экономики: железным дорогам, акционерному и банковскому капиталу».¹ По сути, такое мышление явилось реакцией на «романтические» экономические теории, поскольку его главной особенностью можно назвать отказ от абстракций, признание того, что хозяйство «всегда испытывает недостаток внутренней гармонии»² и может лишь частично регулироваться. Это, иными словами, экономика послевоенного времени, помнящая о прошлом хаосе и стремящаяся не игнорировать неопределенность, а вписать ее в систему, учитывать ее в своих прогнозах.

Именно введение «фактора радикальной неопределенности» в экономическую науку Мондэй считает главной российской «прививкой» экономическим теориям для анализа социально-экономической ситуации того времени. Такой подход заставляет отказаться от долгосрочных прогнозов, ибо предполагает, что национальное хозяйство едва ли может достичь «положения равновесия», т. е. находится в состоянии своего рода устойчивой нестабильности. Иными словами, мышление управленца этого времени направлено на управление рисками, которые заведомо неустранимы.

Как мы видим, данный набор метафор: «практичность», «осмотрительность» и «предусмотрительность в управлении» — разительно отличается от пореформенного, где на первый план выйдут «азартность», «нестабильность» и «авантюристность».

Насколько экономические метафоры 1840-х годов представлены в художественной литературе эпохи? Отвечая на этот вопрос, следует с большой осторожностью отнестись к выбору материала для сравнения. Репрезентативным нам кажется текст, который предполагал бы схожую с «Игроком» структуру, говорил бы об игре азартной, страстной, поглощающей человека. Отличия же должны быть очень тонкими: например,

¹ Христофоров И. А. Судьба реформы: русское крестьянство до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 57.

² Мондэй К. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи. С. 32.

развязка «сюжета в духе Достоевского» должна быть неожиданной с точки зрения реалий 1860-х. Выражаясь экономически, должны различаться способы управления рисками, так что нас заведомо не интересуют тексты, где о рисках вообще речь не идет, где автор предлагает просто не играть.

Не имея возможности анализировать весь корпус художественных текстов 1840-х годов, попытаемся высказать предположение, кем мог быть создан такой «репрезентативный» текст. Конечно, показательно было бы взглянуть на самого Достоевского 1840-х годов, который действительно коренным образом отличается от себя же позднего. Весьма ценным кажется нам следующее воспоминание А. Я. Панаевой: «Достоевский претендовал на Белинского за то, что он играет в преферанс, а не говорит с ним о его „Бедных людях“. — Как можно умному человеку просидеть даже десять минут за таким *идиотским занятием, как карты!*.. а он сидит по два и по три часа! — говорил Достоевский с каким-то озлоблением. — Право, ничем не отличишь общества чиновников от литераторов: то же *тупоумное препровождение времени!*»¹ Конечно, мы не можем с полной уверенностью определить причины позднейшей «зависимости» Достоевского, но, возможно, сама эпоха привела писателя к игорному столу. В 1840-е же годы герои Достоевского скорее накопители, чем расточители наподобие Алексея Ивановича. В рассказе 1846 года «Господин Прохарчин» главный герой не азартная и страстная натура, а самый настоящий скупец. На связь этого текста с экономической ситуацией эпохи обращал внимание и Карпи, замечая, что «в фантасмагорическом и зловещем денежном паноптикуме Прохарчина и Голядкина отражена экономическая история России того времени: компульсивное накопление богатств при отсутствии малейшего стремления превратить их в капитал и вложить в производство».²

Однако такой принципиальный отказ от игры, как уже говорилось, является не слишком интересным примером.

¹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 219; курсив наш. — У. Б.

² Карпи Г. Достоевский-экономист. С. 24–25.

Говоря о накоплении без вложения, Карпи упрощает экономическую картину 1840-х годов, не учитывая тех «факторов риска», которые принимал во внимание Канкрин и которые должны были актуализировать мотив игры даже в литературе николаевской эпохи.

На традиционность этого мотива указывает и сам Достоевский, упоминая в начале «Игрока» русские фельетоны, которые кажутся ему неубедительными: «Терпеть я не могу этой лакейщины в фельетонах целого света и преимущественно в наших русских газетах, где почти каждую весну наши фельетонисты рассказывают о двух вещах: во-первых, о необыкновенном великолепии и роскоши игорных зал в рулеточных городах на Рейне, а во-вторых, о грудях золота, которые будто бы лежат на столах. Ведь не платят же им за это; это так просто рассказывается из бескорыстной угодливости».¹ Действительно, фельетон, предполагающий синтез литературной, общественной и «бытовой» проблематики, кажется нам тем жанром, который позволяет хорошо продемонстрировать связь между популярными развлечениями типа рулетки или карт с экономическими тенденциями эпохи.

Оставляя пока в стороне вопрос о конкретных фельетонах, которые мог здесь иметь в виду Достоевский (этот фрагмент, насколько мы знаем, пока еще никем не откомментирован), обратимся к фельетону 1840-х годов, который, напомним, в это время почти вытесняет из журналов литературную критику и борется по популярности с изящной словесностью, переживающей тяжелый кризис по известным политическим причинам. Особенно популярными, ориентирующимися на европейские каноны жанра являются в это время фельетонисты «Современника» А. В. Дружинин и И. И. Панаев. В своих фельетонах и художественных произведениях они действительно обращаются к теме азартной игры, и, как кажется, подтверждают правоту Достоевского относительно того, что азартная игра прежде описывалась иначе.

И. И. Панаев замечает о Хлыще высшей школы, напоминающем героев Достоевского своей принадлежностью

¹ Достоевский Ф. М. Игрок. С. 215.

к высшему свету: «Он к картам не имеет особенной страсти (да и вообще он не имеет никаких страстей, потому что страстями одержимы только люди *вульгарные*)...»¹ Как и у раннего Достоевского, страсть оценивается как нечто заслуживающее порицания. При этом, в отличие от Достоевского 1860-х годов, Панаев говорит о страстях как чем-то таком, что человеку светскому нужно как раз в себе подавлять. Отметим, что здесь заметна разница между подобным мнением и восприятием игры светскими героями романтической литературы типа Печорина, для которых комильфо и страсть не противоречат друг другу. В 1840-е же основой хорошего тона, возможно, становится сдержанность, что корреспондирует с идеями Канкринна об «осторожности» и «умеренности» в управлении.

Но еще более интересный случай представляет собой, на наш взгляд, роман А. В. Дружинина «Жюли» (1848). Он интересен тем, что здесь идет речь не о простом отрицании игры как чего-то вульгарного, а именно об игре 1840-х годов.

«Жюли» повествует о семейной паре Ланицких. Григорий Александрович Ланицкий — игрок, женатый на «прелестной» Жюли. Ланицкий кажется вполне типичным профессиональным игроком: «Ланицкому хотелось выиграть, и много выиграть: тем ли, другим ли путем, ему надобно было обеспечить себя на несколько лет вперед».² Неожиданно он проигрывается немцу Кайзерштейну, после чего завистники Ланицких во главе с Кайзерштейном устраивают заговор, в центре которого оказывается Жюли. Немец подговаривает давнего друга девушки графа Станиславского и молодого человека Вальховского похитить Жюли, так как те в нее безумно влюблены. Неожиданно на помощь приходит художник Германн, спасающий девушку от скандала. Но на этом страдания Жюли не заканчиваются: сам Ланицкий морально истязает жену, обвиняя ее в измене, более того, врач Армгольд чуть не убивает Жюли, не стремясь вылечить

¹ Панаев И. И. Хлыщ высшей школы // Полн. собр. соч. М., 1912. Т. 4. С. 210.

² Дружинин А. В. Жюли // Собр. соч.: [В 8 т.]. СПб., 1867. Т. 1. С. 278.

её, после того как она заболевает из-за обвинений мужа. Финал же романа неожиданно чрезвычайно счастливый: после тяжелой болезни и разочарования в муже Жюли полностью выздоравливает, друг семьи Германн улаживает денежные проблемы Ланицких, Армгольд и Вальховский мирятся с Григорием и мы прощаемся с героями на праздновании дня рождения Жюли.

После даже беглого знакомства с сюжетом романа становятся очевидными его переклички с «Игроком»: ведущими мотивами здесь также являются игра и мучительство. На сходство двух этих романов указывает и датский исследователь А. М. Бройде в своей биографии Дружинина: «В этом романе («Жюли». — У. Б.), как и во всех предыдущих произведениях Дружинина, есть множество типичных Достоевских ситуаций. Стоит только сравнить страсть Ланицкого к игре с „Игроком“ Достоевского, написанным 17 лет спустя, и стремлением мучить женщину или ребенка».¹

Тем показательнее, что трактовка этой ситуации Дружининим в конце 1840-х годов отличается от ее трактовки Достоевским в 1860-е годы.

Начнем с того, что игра в романе Дружинина не имеет того всепоглощающего характера, как в романе «Игрок». Несмотря на увлеченность игрой, Ланицкий играет не ради самой игры, для него это скорее расчет, он играет ради того, чтобы обеспечить свою семью: «Характер у меня есть, — система моей игры превосходна, только требует холодности, а на слово меня обыгрывать не станут»; «в настоящее время игра для него была не целью, а средством, тяжелым и противным средством».² Игра Ланицкого отличается холодностью и разумностью, его ценят за «умение владеть собою».³ Думаем, что данную черту можно соотнести с канкринской «предусмотрительностью» как «таким сочетанием главных принципов экономической теории и практического опыта, которое получает свое развитие только через практику при-

¹ Бройде А. М. А. В. Дружинин: Жизнь и творчество // Studier (København. Universitet, Østeuropainstitut). 1986. № 12. С. 161.

² Дружинин А. В. Жюли. С. 266.

³ Там же. С. 278.

менения теории и не может быть ни изучено, ни преподаваемо».¹

Жюли понимает, что «муж ее играет не из-за жадности, что он любит ее больше всего на свете и всем для нее рискует».² Таким образом, в отличие от солидной коммерческой игры, на карту ставится все, человеком руководит страсть, однако страсть любовная все же подчиняет страсть к игре, а не наоборот. Так, если пушкинский Германн в процессе игры забывает о накоплении и попадает под власть случая как такового, а Алексей Иванович у Достоевского ради игры готов забыть Полину, то герою Дружинина во время игры в какой-то момент «стало стыдно и гнусно сидеть с картами в руках, посреди нелюбимых и ничтожных людей, рассчитывать выигрыш и проигрыш, в то время, когда Юлинька, быть может, тоскует и унывает духом, когда еще не зажили раны ее сердца, которого он не умел ценить до этой поры».³ Жизнь семейная, домашняя, размеренная и жизнь публичная, непредсказуемая и полная опасностей все время соотносятся, находятся в неустойчивом равновесии.

Полученное случайно богатство, неумение вовремя остановиться, контролировать ситуацию губительны, что подтверждает и история Вальховского, поклонника Жюли, который неожиданно становится наследником большого богатства: «Это был человек, которого погубило рано доставшееся богатство: обыкновенно люди истощаются и дряхлеют от избытка наслаждений, и даже по лицам таких людей видно, что в свое время были они счастливы».⁴ Перед похищением Жюли Вальховский понимает, что страсть способна погубить его, ее он «в зародыше своем почитал за преступление».⁵ Армгольд, в свою очередь, оправдывает свое нежелание лечить Жюли именно своей страстью к ней: если она не может любить его, то пусть не живет вовсе. Здесь мы еще раз можем вспомнить слова Панаева о «вульгарности» страстей.

¹ *Мондэй К. Д.* Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи. С. 105.

² *Дружинин А. В.* Жюли. С. 243.

³ Там же. С. 370.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 269.

Таким образом, страсть, одержимость игрой, по Дружинину, должны вовремя быть сдержаны или трансформированы в нечто созидательное. В своем дневнике он не устает повторять, что «спокойствие, которое вполне создано и оценено, есть высокое благо».¹ Важно, что идея умеренности является для него не способом ухода от практической деятельности, а формой самой этой деятельности, но только в «узком круге», в хорошо знакомой человеку сфере. Очевидно, что дело здесь и в специфике николаевской эпохи, не предоставлявшей особых возможностей для широкой «деятельности», и в общественной позиции самого Дружинина, и, как мы пытались показать, в специфике экономической ситуации эпохи. Утопичность жизнеутверждающего финала «Жюли», которую признавал и сам автор, кажется во многом созвучной признанию Канкринна, что его стремление обуздать нерациональные расходы на самом деле бесперспективно: «Что бы мы ни делали, а Россия всегда останется банкротом».² В эпоху 1860-х эту истину уже и не пытались скрывать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бём А. Л. «Игрок» Достоевского (в свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Кн. 24. С. 379–392.
2. Бройде А. М. А. В. Дружинин. Жизнь и творчество // Studier (København. Universitet, Østeuropainstitut). 1986. № 12.
3. Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872.
4. Достоевский Ф. М. Игрок // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 208–318.
5. Дружинин А. В. Жюли // Собр. соч.: [В 8 т.]. СПб., 1867. Т. 1. С. 236–380.
6. Карпи Г. Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М., 2011.
7. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003.

¹ Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 162 («Литературные памятники»).

² Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 401.

8. *Мондэй К. Д.* Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи (на примере Е. Ф. Канкрин): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
9. *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. [Л.], 1956. Т. 3.
10. *Панаев И. И.* Хлыщ высшей школы // Полн. собр. соч. М., 1912. Т. 4. С. 206–257.
11. *Сараскина Л. И.* Десять лет я все мечтал выиграть: Роман «Игрок» как феномен «опасного творчества». М., 2006.
12. *Скальковский К. А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
13. *Христофоров И. А.* Судьба реформы: русское крестьянство до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
14. *Христофоров И. А.* Экономика, литература и Великие реформы // Российская история. 2013. № 2. С. 206–240.
15. *Leatherbarrow W. J.* The Cambridge Companion to Dostoevskii. Cambridge, 2004.